

Ю.М. Гончаров

**Внутрисемейные отношения в семьях
провинциальных горожан
второй половины XIX – начала XX в.**

Исследование внутрисемейных отношений имеет значительный интерес, поскольку отношения в семье и в обществе в целом находятся в тесном взаимодействии и обуславливают друг друга. Именно в семейном быту, в закрепленном обычаем порядке повседневной жизни, хранится и передается из поколения в поколение та социальная наследственность, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем биологическая. Национальные традиции, менталитет зафиксированы в межличностных отношениях в семье, в стереотипах поведения взрослых и от них передаются ребенку, который усваивает язык и веру, способности и нормы поведения, образ мышления, мировоззрение, социальные установки, систему ценностей. Социальные, экономические, политические отношения в обществе моделируются человеком по образу и подобию межличностных семейных отношений.

Существует значительная литература, посвященная внутрисемейным отношениям в традиционной крестьянской семье [1, 2]. В то же время изучение городской семьи пореформенного периода еще только начинается [1, с. 426].

Изучение характера внутрисемейных отношений невозможно без рассмотрения моральных и правовых норм, которые их регулировали. Характер внутрисемейных отношений в Российской империи регулировался законом. В соответствии с российским законодательством, женщина была зависима от мужчины. При выходе замуж она принимала звание и сословное положение мужа. Жена была обязана «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяину дома» [3, с. 18, ст. 107]. Брачно-семейное законодательство даже первой половины XIX в. мало ушло вперед от Домостроя и Уложения 1649 г. В соответствии с законом, и жена, и дети должны были находиться в неограниченном послушании по отношению к «хозяину» семьи, власть мужа над женой и родителей над детьми ограничивалась только моральным долгом. Патриархальность семейных отношений поддерживалась также церковью [4, с. 301–303].

Общественный подъем в России в 1850–1860-х гг. способствовал тому, что в прессе развернулась критика семейного права. Под влиянием требований общественности была предпринята попытка создания нового Гражданского кодекса, который обеспечивал правовое равенство всех членов семьи, защищал их права, не устранив общих обязательств перед семьей как единым целым, словом, создавал новый морально-юридический порядок. Однако проект нового либерального кодекса так и не был принят. Весьма архаичной чертой законодательства, например, было то, что вплоть до 1917 г. адюльтер, неуважение к родителям, злоупотребление родительской властью и некоторые другие проступки рассматривались как уголовные преступления, т.е. как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела [5].

Среди провинциальных горожан – купцов, ремесленников, мещан и крестьян, постоянно проживавших в городах, вплоть до второй половины XIX в. преобладали большие семьи, а в них – патриархально-авторитарные отношения. Глава семьи – «начальник семейства», как он назывался по закону, представлял ее во внешних связях, пользовался среди домочадцев практически неограниченной властью, распоряжался единолично семейным имуществом и личной судьбой каждого из них, женил детей по своей воле и мог отдавать их в работы на определенный срок даже без их желания. Его распоряжения должны были выполняться беспрекословно, к непослушным и провинившимся применялись наказания, в том числе в обычае была и физическая расправа. Сыновья жили с отцом, как правило, до его смерти, а если отделялись от него, то имущество делилось между братьями поровну, а младший сын, по традиции, оставался с родителями. Как и в крестьянских семьях, все работы делились на мужские и женские, и первые выполнялись под надзором хозяина, а вторые – хозяйки.

Жена подчинялась мужу, но делами по дому руководила именно хозяйка, которая имела большие полномочия в своей сфере и также строго правила подвластными ей людьми. В случае смерти хозяина вдова

до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на нее записывалось хозяйство. Если у нее был сильный характер, то и взрослые женатые сыновья не выходили из-под материнской власти. Такие случаи не были большой редкостью, но и не нарушали общепринятых норм. Главное – порядок в семье оставался таким же, как и при хозяине-мужчине. Дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства помогая им по хозяйству. Воспитание и образование получали главным образом дома и, когда вырастали, как правило, занимались тем же делом, что и их родители. Возрастом зрелости считались 15–16 лет, и с этого времени дети полностью включались в семейное дело.

Нравы были строгие, и сексуальные отношения находились под жестким контролем общественного мнения, в особенности для женщин. Девушка до замужества не могла выйти из дома без разрешения родителей, а если ей нужно было куда-нибудь сходить, то, спросившись, она обязательно брала с собой ведра на коромыслах, чтобы соседи о ней не подумали, что она праздно шатается по улицам.

Е. Элнетт, изучавшая социальное развитие семейной жизни в России, писала: «Патриархальные или полупатриархальные формы семьи все еще существовали более или менее среди других классов, особенно среди купцов. Здесь отец и муж, глава семейства, находится и во многих случаях не только абсолютный правитель, но и бесчувственно жестокий хозяин, прихотливый, несносный, деспотичный, часто только потому, что он не имеет никакой другой сферы, в которой он мог бы отобразить его мощь, потому что он имеет излишек энергии, которая не может находить никакие другие сферы приложения. Низкий уровень образования ограничивает его умственный горизонт, его социальные интересы – небольшие; политическая жизнь не касается его» [6, р. 139].

Важной особенностью внутрисемейных отношений среди городских сословий было то, что они носили публичный характер. Как отметил Б.Н. Миронов, «Отдельные семьи не представляли из себя крепости, куда запрещен вход посторонним лицам» [7, с. 256]. Напротив, каждая семья находилась, с одной стороны, в тесном контакте с родственниками, с другой стороны – со своей корпорацией: мещанским обществом, купеческой гильдией, ремесленным цехом.

Постепенно формирование городского образа жизни, распространение образования,

более либеральные законы способствовали постепенному улучшению правового и фактического положения женщин и детей в семье. Однако гуманизация внутрисемейных отношений в русском провинциальном городе в семьях мещан и ремесленников, основной массы купечества делала скромные успехи [8, с. 172–177].

Так, например, вплоть до середины XIX в. даже в городах действовал обычай вступления в брак с помощью сватовства и свадьбы. При этом решающую роль в выборе брачного партнера играли родители. Браки «самокруткой», т.е. по личной договоренности жениха и невесты, без предварительного на то согласия родителей, встречались чрезвычайно редко, общественное мнение относилось к ним враждебно, считая их противозаконными и безнравственными. К концу XIX – началу XX вв. сложилась новая система предбрачного ухаживания, появляется система молодежного предбрачного общения. Однако знакомство и общение городской молодежи, достигшей брачного возраста, происходило в социально однородной среде. К примеру, в бедной мещанской среде знакомство завязывалось на вечеринках, молодежных сборищах типа крестьянских «вечерок». Их посещали, как правило, не более шести – семи пар. Такое общение происходило чаще всего по субботам и воскресеньям в доме у кого-нибудь из участников. Здесь пили чай, играли, пели и танцевали. В более зажиточных и культурных семьях разночинцев и купцов было принято устраивать домашние вечера в честь именинниц и именинников. На этих праздниках собирался еще более узкий круг молодежи из семей, поддерживающих между собой деловые, дружеские или родственные отношения. Знакомство и общение молодых людей происходило в присутствии старших, с пристрастием следивших, чтобы все соответствовало «приличиям». Дворянство и купечество, помимо «именинных» праздников, вывозило молодежь на семейно-танцевальные вечера и балы. Однако процессы демократизации не стоит преувеличивать. Новые формы предбрачного общения, без сомнения, имели такие каналы воздействия родителей, которые подчас регламентировали поведение молодежи не менее жестко, чем старые ритуалы [9, с. 61–65].

Характер внутрисемейных отношений в городах Сибири имел свою специфику. Современники отмечали, что сибирские женщины отличались от женщин центральной части России чертами характера и поведением. Сибирячки были более энергичными, активными, пред-

приимчивыми, самостоятельными. Сибирские женщины никогда не были рабами мужчин, они нередко самостоятельно занимались предпринимательством [10, с. 34]. Если муж-купец умирал, его дело обычно продолжала жена. «Женщина в Сибири не раба мужчины, – писал Н. Чукмалдин о сибирских купчихах, – она ему товарищ. Умер муж – не погиб промысел мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше, с той же энергией и знаниями, какие приноси мужу» [11, с. 99].

Роль женщины-хозяйки в семьях, например, сибирских купцов находила отражение в практике наследования капиталов. Нередко глава семьи завещал все имущество и управление делами после своей смерти жене даже при наличии взрослых детей мужского пола. Встречаются примеры, когда после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Она выбирала на свое имя купеческое свидетельство, несла ответственность за торговые операции, без ее разрешения из общего капитала не могли выделиться взрослые сыновья со своими семьями. Некоторым из купеческих вдов удавалось в течение долгих лет умело управлять семейным делом, поддерживать на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию [12, с. 164–170]. В целом же власть в семье, как и в обществе, имела патриархальный характер: предпочтение отдавалось мужчинам и старшим по возрасту.

Несмотря на главенство мужчины в семье, имущество супругов было раздельным. Приданое или имущество, приобретенное женой самостоятельно, считалось ее собственностью. Н.Л. Пушкирева уже отмечала, что прочное имущественно правовое положение относится к традиционным особенностям статуса женщины в русской семье [13, с. 188]. Еще в XIX в. многие русские историки права удивлялись широким, по сравнению с Западной Европой, имущественным правам россиянок [5, 14]. В купеческой среде имущественная самостоятельность женщины имела еще более важное значение. Супруги даже могли вступать друг с другом в сделки и обязательства как самостоятельные партнеры, значительная часть недвижимости принадлежала купеческим женам. В некоторых случаях женщины даже самостоятельно вступали в гильдию и торговали от своего имени отдельно от своих мужей.

Живучесть патриархальных отношений обуславливалась как социально-правовыми, так и экономическими факторами. Глава семьи ведал всеми делами семьи, отвечал перед государством за выполнение повинностей и вып-

лату податей. Он, таким образом, являлся не только добытчиком средств к существованию, но и посредником между семьей и государством.

Главной обязанностью жены в семье была организация семейного быта, в то время как мужчина был главой семьи, хозяином всего движимого и недвижимого имущества, руководителем торговых операций. При этом зависимость жены от мужа увеличивалась еще и тем, что мужья обычно были значительно старше своих жен. Зависимому положению женщины во многом также способствовало признание церковного брака единственной формой брака, а по нему жена была обязана всюду следовать за своим мужем и могла быть по суду принуждена сделать это. Жена могла получить паспорт только с разрешения мужа. Нарушение супружеской верности могло повлечь тюремное заключение.

Разводы в то время были чрезвычайно редки, при этом разрешение на развод давалось только с санкции Святейшего Синода, и причина для развода должна была быть весьма весомой. Для расторжения брака необходимо было подать соответствующее прошение, в котором нужно было обосновать свою просьбу. В прошениях горожан о разводе указывались, например, такие причины: «ссылка супруга за убийство далее в Сибирь», «невозможность исполнения супружеского долга» и т.п. Но самой распространенной причиной развода была «прелюбодейная жизнь» одного из супругов [15, р. 733–735]. При этом в большинстве случаев инициаторами разводов были мужчины. В то же время необходимо признать, что имевшие место конфликтные ситуации чаще старались уладить в кругу семьи, «полюбовно», «не вынося сор из избы». Согласно данным переписи 1897 г., на 10 000 женатых приходилось 14 разведенных мужчин, а на то же число замужних – 21 разведенная женщина [16, с. 78, 79].

Преобладание мужчин среди инициаторов разводов по мотивам «прелюбодейной жизни» совсем не означает, что женщины в купеческой среде были сексуально раскованы. Наоборот, мужчины имели гораздо больше возможностей для внебрачных сексуальных связей. Этому способствовали частые и длительные поездки по торговым делам и, естественно, наличие денег. Подобные связи в подавляющем большинстве случаев не приводили к разводам. В отношении же внебрачных сексуальных связей женщин господствовала крайняя нетерпимость. Малейший намек на такую связь мог стать и становился поводом для развода.

Один из современников Всеволод Вагин так описывал семейные отношения сибирских горожан в середине XIX в.: «Отношения между полами и семейные были, может быть, не строже, но лицемернее нынешних. Уход жены от мужа был тогда неслыханным делом; женщина, которая решилась бы на такой шаг, подверглась бы всеобщему презрению. Незаконные связи замужних женщин были большой редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее» [17, с. 469].

Отношение к детям носило традиционный характер. В детях видели продолжателей рода и опору в старости. При этом по правовым нормам родители были обязаны заботиться о здоровье и нравственности детей. Наставления родителей, даваемые в завещаниях, показывают беспокойство за судьбы детей. Так, томский купец С.С. Прасолов в своем завещании предписывал детям: «Да будет последняя воля моя исполнена всеми так свято, как завещаю, и жить в любви и согласии, оказывать матери своей должное послушание и почтение, равным образом братьям и сестрам оказывать взаимное друг другу искреннее расположение, молясь пред Всевышним о упокоении души моей» [18, л. 21]. В своих завещаниях родители стремились предвосхитить конкретные действия и поступки детей, ставили им определенные условия, чтобы предостеречь их от разбазаривания наследства или побудить к преумножению его.

Забота о состоянии и здоровье детей лежала на матери, которая должна была следить за тем, чтобы дети были обуты, одеты, накормлены. В обязанности отца входило религиозно-нравственное наставление детей, в основном же он был связан с сыновьями в рамках семейного «дела». При этом дети должны были добросовестно выполнять все данные им родителями поручения. Покорность детей старшим освещалась выработанной веками традицией сыновней почтительности, стойкостью патриархальных отношений. Кроме того, в купеческих семьях дети не шли вопреки воле родителей, опасаясь попасть в немилость и потерять свою долю наследства или приданого.

При этом родственные отношения в большой семье не только обеспечивали преемственность в делах, но и открывали возможность для разделения труда внутри семейного дела, когда дальние коммерческие поездки могли выполнять молодые, а старшие руководили складом или магазином.

Образование мальчиков ограничивалось в большинстве случаев элементарной грамот-

ностью. Воспитание девочек строили по-другому, чем мальчиков. Их с малых лет старались приучить к хозяйству. Дочери должны были помогать матери следить в доме за порядком, присматривать за младшими детьми. Их обучали вязать кружева, шить, готовить приданое, знакомили с обязанностями хозяйки дома. Подобная точка зрения не могла устоять при дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии общества. С середины XIX в. в Сибири начинает развиваться сеть женских учебных заведений. Создание школ для девочек являлось важным социокультурным явлением городской жизни. Поскольку жизненный путь женщины из городских сословий практически не был связан со службой или общественной деятельностью и протекал почти исключительно на семейном поприще, которое не требовало получения школьного образования, развитие женских учебных заведений во многом означало постепенный отход от прагматического видения мира.

В целом абсолютизм семейных отношений был в городе мягче, закон несколько лучше защищал женщин и детей от произвола патриархов, чем обычное право в деревне. Тем не менее, существенных различий во внутрисемейных отношениях между крестьянством и торгово-ремесленным населением городов не наблюдалось. Причиной схожести брачно-семейных отношений в провинциальном городе и деревне было то, что в подавляющем большинстве городских поселений культура и быт народных масс имели во многом деревенский характер. И хотя гуманизация внутрисемейных отношений продолжалась, но она чрезвычайно тормозилась массовой миграцией в города крестьян, которые несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям деревни [7, с. 256]. Это было очень характерно и для Западной Сибири, которая становится регионом интенсивной колонизации. Сибирские города на рубеже веков росли как на дрожжах, и подавляющее большинство новых жителей города были вчерашними крестьянами [19, с. 98–119].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. в семье горожан действовали эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией и развитием капитализма. В течение пореформенного периода семейная организация населения изменялась. Малая семья постепенно становилась все более распространенной среди горожан. Сокращались размеры семей, упрощалась их структура, постепенно нивелировались сословные и региональные раз-

личия. Очень важным было разложение патриархального уклада. В то же время известная традиционность не только сохранялась, но

и постоянно подкреплялась в ходе оживленной миграции из села в город и тесных связей большей части городского населения с деревней.

Литература

1. Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
2. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
3. Свод законов Российской империи. Т. IX: Свод законов гражданских. СПб., 1900.
4. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (IX–XIX вв.). СПб., 1999.
5. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902.
6. Elnett E.P. Historic Origin and Social Development of Family Life in Russia. NY., 1926.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
8. Будина О.Г., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
9. Голод И.С. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
10. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв. Тюмень, 1998.
11. Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899.
12. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999.
13. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье: традиции и современность // Семья, гендер, культура. М., 1997.
14. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
15. Freeze G.L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia // The Journal of Modern History. Vol. 62. 1990. №4.
16. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1.
17. Вагин В. Сороковые годы в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.
18. ГАТО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 471.
19. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990.